

Майклу Уорду Стауту,
подавшему мне идею написания
этой книги, и моему отцу,
научившему меня
французскому языку

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. Принцесса леса	8
Глава 1. Сказки и секреты	17
Глава 2. Польша	28
Глава 3. Кругом война	38
Глава 4. Ребенок для мирного времени и неожиданный благодетель	44
Глава 5. <i>Littérature</i>	50
Глава 6. Макс	58
Глава 7. Кукольный дом	68
Глава 8. Побег из кукольного дома	76
Глава 9. Антракт	85
Глава 10. Сальвадор	95
Глава 11. Гала и Сальвадор	108
Глава 12. Все сначала	116
Глава 13. В Париже становится жарко	125
Глава 14. Америка	135
Глава 15. Потери и слава	142
Глава 16. Повседневные чудеса	154
Глава 17. Конец эпохи	159
Глава 18. Исход	173
Глава 19. Метаморфоза	183
Глава 20. Грани таланта	196
Глава 21. Дóма	212
Глава 22. Мадонна Порт-Льигата	218
Глава 23. Переворачивая страницу	225

Глава 24. Новые рубежи	234
Глава 25. Новые увлечения	242
Глава 26. Скандал с Питером Муром	256
Глава 27. Аманда – рок-звезда, Гала – богиня Иштар	261
Глава 28. Замок в Испании	267
Глава 29. Тьма и свет	276
Глава 30. Лестница Иакова	282
Глава 31. Время пожинать плоды	287
Глава 32. Время умирать	293
Эпилог. Последняя сказка	300
Слова признательности	304
Примечания	308

П Р О Л О Г

ПРИНЦЕССА ЛЕСА

Львенок свернулся клубком у Галá на коленях и уютно заурчал. Из-за дверей бального зала были слышны покашливание и шарканье ног — это репортеры и фотографы нетерпеливо ждали, когда их впустят. Сальвадор бережно подтянул ремешок на головном уборе в форме единорога, который мастерил для Гала несколько дней. Чтобы ей было еще удобнее, он взбил огромные подушки из красного бархата, прислоненные к спинке кровати, а потом нежно пощекотал ее под подбородком. Гала улыбнулась. Двери распахнулись. Камеры зажужжали.

Это было в семь часов вечера второго сентября 1941 года, в небольшом калифорнийском поселке Пebbл-Бич. Океанский бриз пах солью и эвкалиптом, молодой месяц висел в чистом ночном небе так низко, что, казалось, вот-вот зацепит верхушки сосен огромного леса слева от самого модного отеля Калифорнии, Del Monte. С минуты на минуту должна была начаться арт-вечеринка четы Дали.

Гала и Сальвадор поселились здесь, в корпусе Pembroke Lodge, в начале июня. В Америке они не прожили еще и года. Двадцать восьмого июня 1940 года войска Гитлера заняли южно-французский город Аркашон, где они тогда работали, и Дали кинулись в Америку вместе с тысячами таких же перепуганных,

сорванных с места европейцев. В спешке и неразберихе они потеряли или бросили почти все, даже самые ценные картины, которые потом забрали немцы. Франция пала, и художественный рынок перестал существовать. Дома у них больше не было, будущее казалось неопределенным, Сальвадор привык изъясняться на дикой смеси каталанского и французского языков и почти не говорил по-английски, да и Галя знала этот язык немногим лучше. Правда, их везде сопровождал покровитель, наследник металлургической компании Phelps Dodge Эдвард Джеймс, но все равно они были беженцами.

Нельзя сказать, что супругов Дали совсем уж никто не знал. Два выдающихся провокационных фильма, «Андалузский пес» (1929) и «Золотой век» (1930), созданные Сальвадором и Луисом Бунюэлем, по праву считались этапными в истории американской киноиндустрии, а тогда она и сама переживала золотой век, потому что каждую неделю кинотеатры посещали почти двадцать миллионов зрителей.

Сальвадору исполнилось тридцать семь лет, и он уже больше десяти из них стоял в авангарде мирового искусства. На его счету было восемь персональных выставок в четырех странах — Франции, Англии, Испании и Америке, — а в 1936 году его портрет украсил обложку журнала *Time*. Напоминающие черные волосы и трость с серебряным набалдашником сделали его для Америки воплощением сюрреализма. Только что, в 1939 году, они с Галой создали павильон «Сон Венеры» для Всемирной выставки в Нью-Йорке, на которой побывали сорок четыре миллиона посетителей и о которой много писали по обе стороны Атлантики.

Обещая, что имя Дали будет «хорошо для бизнеса», Галя, ведавшая всеми делами пары, уговорила владельца отеля Сэмюэля Морзе сделать им скидку, положенную звездам. Морзе, конечно, подпал под гипнотическое очарование глаз «цвета старого золота» — выражение первого мужа Галы, экстравагантного французского поэта Поля Элюара. Но кроме того, Морзе нашел

ее «исключительно разносторонней, находчивой женщиной»¹, хорошо осознающей ценность славы. В распоряжение Дали был предоставлен бесплатный люкс с собственной студией.

Сэмюэль Морзе приходился внучатым племянником другому Сэмюэлю Морзе, который в 1832 году изобрел азбуку Морзе и телеграф. Он много строил на полуострове Монтерей и стал третьим владельцем отеля-дворца Del Monte, возведенного Чарльзом Крокером в 1818 году в испанском стиле. В 1924 году здание пострадало от пожара, но Морзе тщательно отреставрировал его и расширил территорию настолько, что сумел принять нескольких президентов США, в том числе Герберта Гувера и Теодора Рузвельта. К 1941 году Del Monte стал любимым местом членов королевских домов Европы, всемирно известных миллионеров и звезд Голливуда.

Кроме почти девяти квадратных миль^{*} соснового леса, раскинувшегося по пологим холмам и неглубоким низинам, и обсаженной эвкалиптами подъездной дороги, протянувшейся на семнадцать миль^{**} вдоль Тихого океана, здесь были шикарные теннисные корты, скаковой круг и озеро, где можно было покататься на лодке и порыбачить; знаменитое поле для гольфа Пebbл-Бич, сад кактусов из пустыни Аризона, комплекс бассейнов в римском стиле. В них Сальвадор по утрам плавал брассом, держа голову над водой (чтобы не замочить свои длинные, навощенные усы), и, как беззлобно шутил хроникер отеля Герберт Сервин, «напоминал тощего моржа».

Морзе, убежденный, что известность стоит в сто раз дороже рекламы, всеми правдами и неправдами заполучил себе этого лучшего рекламщика Калифорнии. Герберт Сервин продал бы душу за хорошую историю и вместе с женой Дагмар поставил себе задачу поближе сойтись с супругами Дали. Он нередко приглашал их на барбекю прямо во дворе; Герберт жарил мясо, Гала резала салаты, и обе пары узнавали друг друга все лучше

^{*} Чуть больше 23 кв. км. — Здесь и далее примечания редакции, если не указано иное.

^{**} Немногим больше 24 км.

и лучше. В своих воспоминаниях Сервин писал: «Дали были так близки, что говорили друг за друга. Она была всецело предана ему. Он полностью зависел от нее»².

Еще на юге Франции Гала и Сальвадор начали обдумывать костюмы и декорации к спектаклю «Лабиринт» дягилевской труппы «Русский балет», и, когда работа над эскизами закончилась, Герберт подбросил им идею рекламной вечеринки в голливудском духе. Падкий на блеск славы Сальвадор тут же согласился. Гала была не в восторге от этой идеи: обладая более «стратегическим» складом ума, она понимала, что подобное мероприятие только оттолкнет публику. Америка, переполненная беженцами чуть ли не из всех стран Европы, готовилась к войне и не пускала уже почти никого. Гала считала, что гораздо лучше было бы провести благотворительный вечер в пользу застрявших там художников.

«Нам с Гала повезло. Другим художникам — нет... У многих нет денег. Дали поможет», — сказал Герберту Сальвадор (он нередко говорил о себе в третьем лице и всегда соглашался с женой). Гала уже позвонила Даниэлю Барру, директору нью-йоркского Музея современного искусства. Барр, который открыл Сальвадора в Париже, в 1930 году, на первой же его персональной выставке в галерее Пьера Колле, и сделал его картину «Постоянство памяти» (со знаменитым изображением мягких часов) главным объектом двух очень удачных экспозиций у себя в музее, охотно поддержал эту идею.

К началу августа почта разослала кинозвездам, светской публике и самым видным жителям Монтерея приглашения на «сюрреалистический вечер в отеле Del Monte в честь сеньора и сеньоры Дали». Ужин стоил четыре доллара, «только коктейли» — два. Гостям надлежало прийти в костюмах в виде образа из своего сна, дикого животного или обитателя леса.

Дали и Гала настаивали, что вечер должен стать произведением искусства, и придумали целое действо внутри инсталляции. Сэмюэль Морзе вспоминал: «Супруги Дали (в основном

Гала) создали новое движение... не знаю точно, что это значит, но его фантазмагорические образы были чудо как хороши».

Туманная фраза Морзе может сбить с толку. В Европе Гала называли матерью сюрреализма, но не одна она основала литературно-художественное движение, которое, подняв на щит бессознательное, штурмом взяло континент в конце 1920-х годов. Другое дело, что два его наиболее видных представителя, ее муж Поль Элюар и легендарный художник-мистик Макс Эрнст, во многом были обязаны Гала своим творчеством и карьерой. Она же стала вдохновительницей и соавтором работы Дали «Параноидально-критический метод» (1931), где он развил идеи «Манифеста сюрреализма» Андре Бретона и впервые выдвинул знаменитый тезис «иллюзия — это реальность».

Однако прирожденный устроитель и рекламщик Морзе понимал, и очень хорошо, какой успех может иметь такая безудержная фантазия в стране, которая только-только оправилась от десятилетней депрессии и готовилась вступить во Вторую мировую войну. Сервину он так и сказал: «Пусть Дали делает что хочет, но... в пределах разумного».

Готовясь к вечеру так же тщательно, как к работе над картиной, Дали составили для Сервина длинный список всего, что понадобится. Журнал *Look* писал, что в нем значились две тысячи сосновых бревен, четыре тысячи пеньковых мешков, две тонны старых газет, двадцать четыре головы животных, изготовленных из папье-маше, и двадцать четыре манекена, какие ставят в магазинах, но без голов, а еще самая большая кровать в Голливуде, дюжина сотен вечерних дамских туфель на высоком каблуке, два грузовика тыкв — обычных и фигурных — и один битый седан «Бьюик»³. Хотелось им еще балетных танцоров и диких животных, в том числе жирафа, похожего на изображенного Дали на картине «Изобретения монстров». И Морзе, и Сервин не сомневались, что для газет этот материал станет настоящей сенсацией.

Банкир и филантроп Герберт Флейшхакер, патронировавший Зоологический сад Сан-Франциско, был большим другом Герберта Сервина. Он согласился провести для Дали двухчасовую экскурсию. За это время художник успел шарахнуть от грозно рыкнувшей на него тигрицы, когда он потянулся ее погладить («Вполне по-женски», — заметил он), и подружиться с очень мирным жирафом. Из двадцати животных для вечера отобрали девятнадцать: Флейшхакер пожалел грациозного жирафа и не позволил забирать его из зоопарка.

* * *

В выпуске от двадцать пятого августа, за неделю до громкого события, журнал *Newsweek* сравнил Дали с Леонардо да Винчи, который в 1518 году организовал пышное празднество для Лоренцо Медичи. Через четыре дня газета *The Monterey Herald* поместила фотографию, на которой Сальвадор обсуждает предстоящий вечер с Дороти Спрекелс, чья семья в 1880-е годы основала сахарную промышленность на Гавайях. В тот же день местный журнал *Game & Gossip* получил разрешение сфотографировать, как Сальвадор, в круглых зеркальных очках, подобранных для него Гала, красит в синий цвет длинные светлые волосы дочери Сэмюэля Морзе Мэри и скалывает булавками декольтированное вечернее платье на самой Гала.

Дата вечера приближалась, и два десятка мастеров принялись за подготовку бального зала отеля Del Monte. Вдоль стен выстроились две тысячи добытых на лесосеках стволов. От пола до потолка громоздились пеньковые мешки, набитые старыми газетами и изображавшие пещеру. Гигантскую кровать из немого фильма 1925 года «Веселая вдова» с Мэй Мюррей в главной роли доставили из Голливуда и разместили в торце длинного стола. Гала должна была ужинать в постели — в кругу гостей и как бы во сне: в волшебном лесу, который выдумали они с Сальвадором.

Кровать задрапировали красным атласом и бархатом, а по обеим сторонам обитого красным бархатом изголовья поместили два латных доспеха, достойных рыцарского турнира. Искореженный кузов «Бьюика» поставили так, чтобы его было видно с кровати. Колонны обвили гирляндами синих лампочек, украсили еловыми ветвями, и в пещере стало сумрачно. Головы животных из фильма «Сон в летнюю ночь» прикрепили к голым манекенам. Когда доставили тысячу двести тувель, шеф-повар, которому предстояло разложить в них бумажные пакеты с салатом из крабов и авокадо, пошутил, что на закуску лучше было бы подать «заливное из ножек».

В отеле уже не было свободных номеров, а желающих попасть на вечер не убавлялось. От Пebbл-Бич до Голливуда было пять с половиной часов езды, но Миллисент Роджерс, Кларк Гейбл, Джеки Куган, Эдвард Робинсон, Боб Хоуп, Бинг Кросби рвались участвовать в действе Дали и обещали приехать. Альфред и Альма Хичкоки, целая толпа миллионеров, в том числе и семнадцатилетняя Глория Вандербильт, летели с Восточного побережья. Билетов распродали больше тысячи.

Столы пришлось расставлять в холлах и помещениях рядом с залом, потому что он вмещал только несколько сотен человек. Дали решил, что те, кому не достанется мест в зале, смогут заходить в него и прогуливаться между столиками, играя определенную роль. Им предстояло изображать лесных обитателей.

К полудню второго сентября все было готово. Для каждого звероголового манекена было подобрано свое место. На столах в продуманном художественном беспорядке красовались разнокалиберные тыквы. Ручного дрессированного медведя и тигра в клетке до поры до времени спрятали за деревьями. Дикобраз в удобной клетке стал одним из украшений ложа, на котором должна была ужинать Галя с избранными гостями. В полумраке резвились беломордые обезьяны-капуцины.

К половине шестого Дагмар закончила костюм Сальвадора, нашив на его рубашку изображения человеческих органов.

К шести приехала изящная модель-брюнетка, ей Дали уготовил роль жертвы автомобильной аварии. Она разделась и улеглась в машине, где, дав ей легкое снотворное, ее засыпали листьями. Гостей зазывали полюбоваться на обреченную красотку. Без четверти семь врач отеля Маст Вольфсон пришел помочь Дали облачить танцоров в костюмы из бинтов. Дали полагал, что американцы часто попадают в аварии, и придумал номер, где танцоры Шарлотта Мэй и Берт Харгер выбирались из-под искореженного кузова и исполняли немислимое па-де-де.

Без чего-то семь на столы поставили ледяные скульптуры животных, а свежие белые магнолии прикрепили к изголовью кровати, где уже возлежала сияющая от радости Гала с пяти-месячным львенком под боком. В семь часов кинохроникерам студий Paramount, Pathé Newsreel и Universal разрешили снять общие планы и занять свои места. Журнал *Life* планировал поместить у себя большой материал под названием «*Life* идет на вечеринку» и прислал своего ведущего репортера Герберта де Руса. Заранее прибыть разрешили журналистам *Look* и Робинсону Джефферсу, знаменитому на Западном побережье поэту, который намеревался сделать большой обзор арт-вечеринки Дали.

Остальные гости прибыли к восьми часам, и не успели они занять свои места за столами в компании звероголовых манекенов, как их приветствовал жуткого вида дуэт Харгера и Мэй. Официанты, переодетые медсестрами, разносили сначала закуски — крабовый салат, сервированный в атласных тувельках, потом двойное консоме, сардину а-ля Дали или бифштекс форестье с гарниром из диких грибов. На десерт предлагалось нечто под названием «Сюрреалистическое купе», но гвоздем программы стало блюдо, накрытое крышкой и поставленное перед актером Бобом Хоупом. Стоило ему приподнять крышку, как из-под нее высыпало целое стадо живых лягушек. Все расхохотались. В конце ужина Сальвадор, игравший роль официанта Гала, галантно вручил ей огромную бутылку из-под

Соса-Сола с большой соской. В бутылке было теплое молоко, которое досталось проголодавшемуся львенку.

После ужина пришел черед танцев. Гости водрузили на головы рога, кто — побольше, кто — поменьше. Кто-то напялил маску гориллы. Глория Вандербильт была в аккуратных темных очках «кошачий глаз». Веселились всю ночь, и назавтра *The Monterey Herald* отчиталась, что «к утру почти все именитые гости напились до чертиков». В своих воспоминаниях Морзе писал: «Мне довелось побывать на самых разных вечерах, иной раз поистине фантастических, но этот превзошел все ожидания. Все только и говорили о Гала и Дали. Им хватило одной ночи, чтобы прославиться».

Он оказался прав. Благодаря этой вечеринке обаяние Дали выплеснулось за рамки художественного мира и завладело умами и сердцами американской публики. Целую неделю миллионы восторженных поклонников в кинотеатрах по всему миру поседали глазами кадры кинохроники с Гала в образе сказочной принцессы из волшебного леса.

Конечно, все гадали, кем же была эта загадочная чаровница в головном уборе-единороге⁴.

СКАЗКИ И СЕКРЕТЫ

Гала, человек настолько закрытый, что друзья называли ее сторожевой башней, любила окружать себя тайнами. От нее часто можно было услышать: «Секрет моих секретов в том, что я их не разбалтываю». Неизвестно даже, когда она родилась. В аттестате на звание домашней учительницы указана дата — 26 августа 1894 года, — но Майкл Стаут, адвокат Дали с конца 1970-х, считал, что есть основания полагать, что год был 1890-й.

Она появилась на свет в России, огромной империи, привольно раскинувшейся от Швеции и Балтийского моря до самого Тихого океана, где широкий Берингов пролив отделяет Сибирь от Аляски. Три четверти территории приходилось на Азию, и потому многие европейцы находили в ней гораздо больше общего с Китаем, чем с собой.

В 1613 году первый царь из дома Романовых, Михаил Федорович, поставил своего отца, Московского патриарха Филарета (Федора Никитича Романова-Юрьева), во главе Русской православной церкви, и с тех пор она стала едва ли не могущественнее самого государя, с которым, правда, тесно взаимодействовала. Вот почему, хотя династия, чья история началась три с половиной века назад, когда боярин Роман Юрьевич Захарин сумел выдать свою дочь за самого Ивана Грозного, успела к тому времени значительно ослабеть, Николай Александрович,

восемнадцатый по счету Романов на престоле, искренне считал себя представителем Бога на земле. В России ему принадлежало все и вся. Его подданные, люди простые, трудовые, почти все очень бедные, считали себя чадами Бога, который живет где-то там, на небе, но здесь, на земле, их отцом, иначе говоря — батюшкой, был он.

После смерти Екатерины II в 1796 году монархия становилась все более реакционной. Она не находила общего языка ни со своими мыслителями и просветителями, ни с большинством представителей дворянства. Гражданские права почти перестали существовать после 1881 года, когда дед Николая, Александр II, пал от рук террористов, пережив до этого шесть покушений. К 1890 году политический климат сделался явно нездоровым.

Из всех великих держав Россия была наименее развитой. В Европе промышленная революция закончилась уже давно, а здесь экономика так и оставалась аграрной, сильно зависимой от труда крестьян, составлявших больше трети населения страны. Большинство их жило в самоуправляющихся сельских общинах. Кроме сельскохозяйственной продукции, страна производила сырую нефть, сахар, текстиль. Почти все рельсы, вагоны, паровозы, стрелочные переводы для роскошных русских поездов, воспетых на весь мир в романе «Анна Каренина», завозились из Франции. Она была ближайшим союзником России, а царская семья, придворные, дворянство и интеллигенция свободно говорили между собой на ее языке, который считался очень изысканным — языком подлинной культуры.

Удивительно, но факт: царский режим обращался со своими художниками, писателями, мыслителями так сурово, что многие, в том числе и Иван Тургенев, в середине века перебрались в Париж, и все-таки именно культура была главным украшением короны Российской империи. Русские музыканты, поэты, драматурги, прозаики того времени — достаточно назвать Толстого,

Гоголя, Достоевского, Пушкина, Чехова и Лермонтова — занимают почетные места в рядах всемирно известных творцов.

Гала родилась в Казани, основанной в 1005 году монголами как военное укрепление на берегу Волги более чем в тысяче и трех сотнях верст к востоку от Москвы. Казань долго оставалась пышной столицей Золотой Орды, но в 1552 году, после упорной полуторамесячной осады, московский князь Иван IV Васильевич покорил ее и присоединил к своему царству, за что и был прозван Грозным.

Почти через четыре века, когда на свет появилась Гала, Казань больше всего славилась своим громадным университетом, где учился Лев Толстой и откуда в 1887 году за участие в студенческих беспорядках был исключен Владимир Ленин. Этот легендарный, манивший к себе дом знаний и талантов, белоснежный храм науки, похожий на афинский Парфенон, господствовал над центром города. Увы, Гала вход в него был заказан, потому что евреям, женщинам и простолюдинам получить высшее образование было нельзя. Зато в стремлениях ее никто не мог ограничить.

В семье Гала, а по-настоящему Елена Ивановна Дьяконова, была второй из четверых детей: брат Вадим, или Вадька, был на три года старше ее, брат Николай (Коля) — на два года младше. Сестра Лидия была младше Гала на семь лет.

Мать Гала, Антонина (урожденная Деулина), добрая женщина передовых взглядов, по профессии была акушеркой. У нее имелось свидетельство на право обучения детей с ограниченными возможностями, а еще она опубликовала серию детских рассказов. Антонина родилась в Омске, крупном городе на юго-западе Сибири, где ее семья владела небольшими золотыми приисками и где Достоевский, после четырех лет каторги за участие в революционном кружке, начал работу над «Записками из мертвого дома»⁵.

Отец Гала, Иван, мелкий чиновник в Министерстве земледелия, отправился разведывать месторождения золота

и сгинул где-то в снегах северной Сибири^{*}, когда ей было лет девять или десять. Этот буйный пьяница нередко поднимал руку на жену и совершенно не уделял внимания детям. Примечательно, что Галя ни словом не обмолвилась о нем в своих незаконченных воспоминаниях — «Интимных тетрадах» (*Carnets Intimes*)⁶.

Вскоре после исчезновения Ивана с Россией случилось нечто столь же страшное и роковое. Воскресным утром девятого января 1905 года к Зимнему дворцу двинулась многолюдная толпа рабочих, чтобы по многовековой традиции вручить государю петицию с требованиями принять меры против нищеты и просьбами о защите. Возглавлял шествие Георгий Гапон; он убедительно, с цитатами из Библии, доказывал рабочим, что царь-батюшка Николай обязательно выслушает их, если они будут вести себя мирно, — ведь это его обязанность перед Богом. Приближаясь к дворцу, люди почтительно говорили: «Государь... мы пришли к тебе за миром и справедливостью». По приказу Николая, игравшего в это время в домино в своей загородной резиденции, Царском Селе, гвардейцы начали стрелять в безоружную толпу, чтобы отогнать ее. Но около шестидесяти тысяч человек, твердо намеренных воззвать к тому, кого они считали своим защитником и покровителем, прорвались на площадь. Дворцовая охрана была уже предупреждена и встала под ружье. Когда во внутреннем дворе Зимнего дворца рабочие опустились на колени, сняли шапки и начали креститься в надежде, что к ним вот-вот выйдет царь, стрельба усилилась. Выстрелы щелкали, казалось, без конца и погубили почти тысячу коленопреклоненных и молящихся людей. Когда же стало тихо, те, кто уцелел, увидели вокруг себя убитых и раненых, ужаснулись, и доверие сменилось ненавистью и гневом. То был момент утраты иллюзий, с какого начинается всякая революция⁷: люди поняли, что император

---

^{*} Бона Д. Галя. — Смоленск: Русич, 1996.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru